

ИЗ АНТОЛОГИИ "ТАШКЕНТСКИЙ ДВОРИК"

Ташкент в русской поэзии

От составителя

Ташкент – прекрасный город, приспособленный для человека. Во всяком случае был таким в мое время. Получилось, что прежняя моя склонность к коллекционированию обернулась составлением антологии

"Ташкентский дворик". Но от простого собирания текстов был проделан путь к осознанию, что выстраивается картина длиной в 130 лет и усилиями 85 участников, рассказывающая о периоде в жизни древнего города, когда наши пути совпали.

В книге три раздела, которые можно озаглавить "Обретение дома", "Осознание дома", "Потеря дома". Вашему вниманию предлагаются несколько глав из второго раздела.

Михаил Книжник

Николай Глазков

(1919-1979)

Есть поэты, чья репутация среди поэтов выше, чем у читателей. Велимир Хлебников, Владимир Соколов, Анисим Кронгауз, Лев Лосев, Александр Еременко. Такая, внутрицеховая слава дорогого стоит. Глазков в этом ряду.

Пока литературный истеблишмент считал его придурком, он придумал слово "самсебяздат", которое превратилось в "самиздат", дав название явлению.

Глазков был обладателем уникальной интонации, сочетавшей оригинальный ум и детское лукавство. Чувствуется она и в ташкентском тексте.

А еще его снимали в ролях коренных, местных людей – летающего мужика и дворника-татарина – сыновья очень разных, но безусловно талантливых поэтов – Тарковский и Кончаловский. Вынесли, значит, из дома это понимание.

Ташкент 1947 года

*Как жара и холод, свет и тьма,
Город Камня надвое расколот.
Если посмотреть на все дома,
Старый город там и новый город.*

*Новый город, словно довод веский,
Супротив экзотики багдадской.
Может быть, он средневропейский
Больше, нежели среднеазиатский.*

*Вызывали у меня доверье
Новые арыки, стены, крыши
И великолепные деревья,
Те, что этажей седьмых повыше.*

*И совсем, совсем иного сорта
Старый город глиняной глуши:
Не для красоты и не для спорта
На глазах у женщин паранджи!*

Наталья Бурова

(1918-1979)

Наталья Павловна Бурова родилась на юге Казахстана, в городе, который сейчас называется Тараз, а тогда – Аулие-ата.

Работала в областях, далеких от литературы, – статистик, чертежник. По делам службы много ездила по Средней Азии, хорошо ее знала и чувствовала своей.

Говорят, что во время войны показывала свои стихи Ахматовой, и та сочувственно отзывалась о них, но письменных подтверждений тому нет. После войны училась в литинституте у Луговского, но не закончила, вернулась в Ташкент. Благодаря сохранившейся дружбе с вошедшими в силу однокашниками, ценившими ее лирический дар и негромкий, но самостоятельный поэтический голос, ее книжки стали выходить в Москве. Для русского литератора в Ташкенте это была, как бы сказать, дополнительная степень защиты.

Жила замкнуто, в любви, насколько известно, не была счастлива. В Ташкенте считалась примером достоинства. Умерла нестарой совсем.

Ташкент

*Я помню, когда-то на месте фонтана
В берданых* ларьках продавали пиалы.
Рядом лежали холёные фрукты,
Лепёшки смеялись широким оскалом.*

*Мы шли по базару. На все мои просьбы
"Нельзя!" – односложно мне мать отвечала.
А я задыхалась в стеснённых желаньях, –
Обилие снеди меня оскорбляло.*

*Поклажею скромной наполнив корзинку,
Искали мы путь между грудами ближний.*

*У тёмной, слегка покосившейся лавки
Собака стучала мослом о булыжник.*

*О небо Востока! В нём столько накала,
Что с детства глаза привыкают к прищуре,
И, кажется, словно хранит в себе солнце
Какую-то очень жестокую суру.*

*Привыкнув к оранжевым краскам и алым,
Ко тканям цветистым, овалам мечетей,
Невольно всегда отдаёшь предпочтенье
Орнаментам чётким восточных столетий.*

*Догадки порою становятся грустью,
И зрелость является к людям до срока.
Навеки горячим останется сердце,
В котором упрямая сила истока.*

Нишалда**

*Веришь, не веришь, – пустые труды, –
Нет на базарах теперь нишалды.
Пост мусульманский, – ведь время не то! –
Не соблюдает сегодня никто.
Помню, треножник стоял на земле,
Сладкая пена в огромном котле.
Толстый чайханщик монетку берёт,
И нишалда отправляется в рот.
Помню, по улочке узкой иду,
В мисочке красной несу нишалду.
Если из встречных никто не знаком,
Белую пену лизну языком,
Горлинку с пыльной дороги спугну
И озорному мальчишке мигну.
В городе вдосталь теперь широты,
Жаль только, сладостной нет нишалды!*

* Значение слова "бердана" удалось найти только в добросовестных мемуарах библиографа Надежды Андреевны Рутковской, ровесницы Буровой. Это плетенная из камыша циновка прямоугольной формы, размером примерно 1 x 2,5 м.

** Нишалда – узбекская сладость, взбитые в воздушную пену яичные белки с сахаром.

Нина Татаринова

(1916-1992)

Нина Ивановна Пушкарская родилась в городе Богучаре Воронежской губернии. В Гражданскую бежала с мамой сначала в Закавказье, а в 1927 году – в Ташкент.

Работала в газетах, публиковала стихи, взяла псевдоним Татаринова. В годы войны была собкором "Пионерской правды" по Средней Азии, общалась

с Ахматовой, помогала Надежде Яковлевне Мандельштам, судя по воспоминаниям последней.

В 1952 году, уже будучи членом редколлегии литературного журнала, закончила театроведческий факультет ташкентского театрального института. Двадцать лет – с 1950 по 1970 – заведовала отделом поэзии "Звезды Востока", удержалась на своем месте после разгона редколлегии легендарного третьего номера 1967 года, о котором я подробнее расскажу в главе про Вознесенского.

Накануне столетия Ахматовой написала сдержанные воспоминания, которые скорее можно назвать эссе с мемуарными нотками. Говорят, что дружила с Козловскими, с Татьяной Сергеевной Есениной, с Буровой.

Неброские ее стихи сохранили ощущение прочности дома, и, как ни парадоксально, зафиксировали начало его крушения.

Двенадцать тополей

*О город сердца моего,
души встревоженной опора,
вдыхаю
синеву простора
и нет мне
жизни без него.*

*А те двенадцать тополей,
которых нет уже
в помине,
шумят во мне
лиственной поныне,
чем незабвенней,
тем сильней.*

*Они всегда
стремятся ввысь
и серебрятся опереньем.*

*Замрут лишь в то
одно мгновенье,
когда меня покинет жизнь.*

В год землетрясения

*Непрочен глиняный мой дом,
но я расстанусь с ним едва ли,
дома, что рушатся кругом,
меня как будто приковали.*

*Нет, мне не разойтись вовек
с его слепыми тупиками,
дано мне имя - человек,
чтоб выстоять и в этой драме.*

* * *

*Окно открыто
в благодать платана,
в зеленую прохладу
высоты,
куда воздеты ветви великана
резной листвой
азиатской красоты.*

*Подсвечены щедротами
июля,
они играют
солнцем на ветру.
Метнулась ласточка
стремительно, как пуля,
и ствол платана
уронил кору.*

*Я кину в воду
малую монетку:
авось вернусь
и буду долго жить -
платан и мне
протягивает ветку,
чтоб было с кем
душе поговорить.*

Семен Липкин

(1911-2003)

С Семеном Израилевичем Липкиным я дважды имел продолжительные прогулки-беседы в переделкинских аллеях.

Липкин был маленького роста, крупная голова создавала детские пропорции, а внимательный и страдающий взгляд круглых темных глаз только усиливал сходство с пожилым мальчиком.

Узнав, что мы из Ташкента, он стал рассказывать, как участвовал в экспедиции

академика Герасимова, которая вскрывала гробницу Тамерлана в самаркандском Гур Эмире.

- Мой отчет об этой экспедиции был напечатан в "Правде" 22 июня 41-го года.

Я спросил, правда ли, что старики просили не вскрывать усыпальницу и грозили высвобождением духа войны.

- Бог с вами! - сказал он. - Вспомните какой был год. Сталин уже навел порядок. Старики молчали. Это все потом выдумали.

Я спросил его, правда ли, что голова Улугбека лежала у него на груди. Уж не помню где это вычитал. Внук Тимура, унаследовавший корону, но прославившийся как астроном, был зарублен наемным убийцей и покойся рядом с дедом.

Липкин посмотрел на меня долгим взглядом и кротко сказал:

- Не помню.

Когда наша беседа перешла к восточным переводам, я поинтересовался: насколько он был донором в своих переводах. Он ответил, что в классических стихах все было заложено, а вот современникам приходилось доливать от себя.

Потом он заговорил о "Метрополе", об исключении из Союза писателей. Рассказал он, как принимали обратно.

Началась перестройка, стали называть, мол, поступайте обратно. Он говорит: "Принимайте". А эти хотят, чтобы они - Липкин и Лиснянская - написали заявление, попросились назад. Они отказываются: мол, сами выгоняли, сами принимайте. Вдруг рано-рано утром заявляется Сергей Михалков. У него в том же доме любовница жила, так он, наверно, от нее уходил и зашел.

Говорит: "Ты пожилой человек, умрешь, Инна должна будет хлопотать о похоронах. А так - союз все организует". Липкин неожиданно смешно и артистично показывает Михалкова.

Липкин подумал: "А ведь он прав" и написал заявление.

В конце той прогулки я вручил ему свою книжку. Следующая беседа началась с нее.

- Мне ваши стихи не понравились. Поэзия - это сочетание музыки и мысли. У вас нет ни того, ни другого.

Огорченный таким отзывом, я мало запомнил эту, вторую нашу беседу.

Никогда не встречал человека, более точно соответствовавшего ахматовскому описанию:

*Но в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.*

У шлагбаума

*Словно дым над кибиткой,
растаяли дымы легенд,
И теперь на дороге - шлагбаум:*

*запрещают в Ташкент
Провозить из района картофель,
и фрукты, и рис.*

Вот машина к мосту подошла.

*Сколько лиц, сколько грузов!
Контролер, с колеса, заглянув невнимательно в кузов,*

*Сунул руку в кабину, -
машина поехала вниз.*

*Школьник с мамой стоит, хочет мир
непонятный понять.*

*Он острижен под ноль,
и одна лишь оставлена прядь.*

*Это что за обычай? Никак не
припомнится мне...*

*Вспомнил! Вспомнил - и понял,
о мальчик с зеленой тетрадью:*

*Мать украсила сына любимого
жертвенной прядью*

*В честь отца, что пошел на войну
и погиб на войне.*

*Мальчик с прядью и женщина
с торбою на голове,*

*Шорох ветра в сухой, придорожной,
тяжелой траве,*

*День, державно ко сну отходящий
в червонном венце,*

*Контролер на посту,
выплывающий месяц двурогий, -*

*Что я вам? Что вы мне? Что нам делать
на этой дороге?*

*Сколько можно томиться
догадкой о скором конце?*

1950

Всеволод Рождественский

(1895-1977)

Родился Всеволод Александрович в Царском Селе. Отец его много лет преподавал Закон Божий в знаменитой Царскосельский гимназии, в том числе и в период директорства Иннокентия Анненского. В этот период и Всеволод начал там учебу.

Он считался "младшим акмеистом", следовал по тропе, проложенной Гумилевым, присоединяя к русской поэзии новые географические территории. Этого пути держался и при новой власти, путешествия со своей музой по все еще бескрайней стране.

В книге 1929 "Поющая земля. География в стихах" есть цикл "Туркестан" из трех стихотворений. В них присутствует Ташкент как мерило и камертон всей туркестанской жизни.

Вот в стихотворении "Пески", описывающем безжизненную красоту пустыни:

*Но будь терпеливым и скоро,
глаза прикрывая ладонью,
Увидишь далеко, далеко,
где туч раздвигается лента, -
Верблюжьих отроги Тянь-Шаня,
покрытые дымчатой сонью,*

*Пристаннице всем караванам,
зеленый оазис Ташкента.*

А вот фрагмент из следующего стихотворения цикла - "Вода":

*...Осушая пески, человеческий труд
Терпелив урожаю в угоду.
Отводя ручейки, словно жизнь берегут
В кишлаках мутноватую воду;
И недаром работают влага и жар,
Не напрасно копают лопата.
Выходи поглядеть
на ташкентский базар,
Как земля Туркестана богата...*

Интересно, что Рождественский вставлял "Пески" и "Воду" в поздние свои сборники, объединив под общим названием "Солнцестан", но начисто изъяв из них Ташкент. Знать бы, почему.

Прожил Всеволод Александрович долгую жизнь, избежал больших гонений, переводил европейских поэтов, издал много книг. За благополучную в общем жизнь заплатил своей поэтической судьбой. Умелые звучные стихи были словно наполнены холодноватой невосковой водой: много пейзажей, много русской истории, много литературы. Ни одной строчки не вспомнишь.

Стихотворение из сборника 1956 года с неназванным, но таким узнаваемым Ташкентом мне кажется из лучших у поэта. Оно наполнено живым чувством, сердечной болью.

Предположу, что эта сердечная боль и изгнала упоминания о Ташкенте из стихотворений 20-х годов.

Память

*Неба край с полоской алой,
Покрывая старый сад,
Запахнул собой дувалы,
Словно выцветший халат,*

*И по улице покатою,
Уходящей в синь и свет,
Закружился розоватый
Легкий персиковый цвет.*

*Над пустеющим базаром
Встала ранняя луна,
Мирно рдеет самоваром
Под платаном чайхана.*

*Город, милый мне когда-то,
Весь ушедший в тень и зной,
С тополями в три обхвата
Над арычною струей.*

*Все, что так душе знакомо,
Проступает в тишине,
Как страница из альбома,
С детства памятного мне.*

*Жду кого-то я у сада
И вечерний воздух пью.
Небывалая прохлада
Душу трогает мою.*

*И луны сползают пятна
С плоской крыши на окно...
Начинает ход обратный
Дней моих веретено.*